ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 **2009**

© 2009 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2008 г.

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде в археологическом сезоне 2008 г.

В 2007 году в Новгороде новых берестяных грамот не было, но в 2008 году новгородские раскопки принесли 12 новых грамот.

Археологические исследования в 2008 г. велись в Новгороде на 10 объектах, берестяные грамоты были найдены на трех из них: шурф на Михайловой улице — 1 (№ 962), Кремлевский раскоп — 7, Борисоглебский раскоп — 4. На Кремлевском раскопе (руководитель М. А. Родионова), расположенном к западу от Грановитой палаты, исследовались слои XIII–XV вв., в которых были обнаружены грамоты №№ 963–965, 968, 969, 971, 972. Борисоглебский раскоп (руководитель А. М. Степанов) расположен на Торговой стороне вблизи церкви Бориса и Глеба в Плотниках, здесь были вскрыты слои XIII–XV вв. и найдены грамоты №№ 966, 967, 970, 973.

Приводим новонайденные грамоты, за исключением совсем мелких обрывков.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 962. Найдена не при раскопках, а в ходе археологического наблюдения за инженерными работами по реконструкции водопровода на северо-восточном углу современных улиц Никольской и Михайловой.

Это два фрагмента, образующие целый документ — большое письмо из восьми строк.

Хотя стратиграфической даты грамота не имеет, есть возможность уточнить ее датировку. Дело в том, что непосредственно под грамотой обнаружен клад серебряных монет новгородской чеканки («новгородок»), датируемых концом второй четверти XV в. (до 1447 г.).

Как заметил находчик грамоты С. В. Трояновский, упоминаемый в грамоте Софонтий может быть тем же лицом, которое фигурирует в берестяной грамоте № 466 первой половины XV в., найденной в непосредственной близости от перекрестка Никольской и Михайловой улиц.

{п}челомъ бьѥть ѻлексеi {i} ѻ заболотьѧ . софонтєю . тимоф[ѣ]ю . чо ѥстє приказали
попъ молвить
мнѣ . свою землю . нонѣ . ѻ̈сподо подовалъ ѥси пожни вашимъ здоровьѥмь . положи . гра=
олесеi
моту по чому єси давалъ приказали ми старѣшии . и ѧзъ давалъ . а нонѣ попъ повѣс=
туть такъ д[а]валъ ѥси пожн[и в наим]ы і хто імєть тъıи пожни косить . и ѧзъ
тъıхъ поимаю да траву на воротъ взважю да ихъ вєду в городъ нонѣ
ѻ̈сподо какъ ѻ мнѣ сѧ печалутєсѧ : а ѧзъ вамъ свои ѻсподє чоло=
мъ бью . толко ѻ̈спо имєтє мєнє жаловать . ѻ҃ѿтошлитє ѻ̈сподо {п} ко мнѣ
грамотьку . до пєтрова дн҃и . занєжь . ѻ̈сподо сєно косѧть ѻ̈ пєтровє
дни

Лишняя буква *п* в начале — вероятно, автор сперва хотел написать *поклонъ*; лишнее *п* также в {*п*} *ко мнѣ* (строка 7). В строке 3 в *и ꙗзъ давалъ* буква *ꙗ* была пропущена и втиснута потом. В строке 7 в *ѻѿтошлите* буква *т* (перед *е*) переправлена из *о*. В предпоследней строке в слове *петрова е* в *пе-* переправлено из *о*. В последней строке автор начал писать *днѣ,* но потом переделал последнюю букву в *и*.

Интересен способ передачи начального *о-*: для этого служат, как и во многих других грамотах, буквы *ѻ* (широкое *о*) и *ꙩ* (очное *о*); но наряду с этим может использоваться и другой способ: пишется обычное узкое *о*, но со знаком тремы — двумя надстрочными точками (иногда тремой снабжается и широкое *о*).

Ять в части случаев записан как *е* (в том числе под ударением перед твердой согласной в слове *сено*). Специфических новгородских черт в грамоте нет; но стяжение гласных в презенсе (о котором см. ниже) — северновеликорусское.

Рассмотрим наиболее интересные точки текста.

Заболотье (или мн. число *заболотьꙗ*) — это либо просто место за болотами (ср. *за́болотье* и *заболо́тье* в [СРНГ, 9: 265]), либо название конкретной деревни.

Но написание {*і*} *ѻ заболотьꙗ* остается неоднозначным. Возможные версии: 1) *ѻ заболотьꙗ* (В. мн.) 'об участках за болотом' или 'о деревне Заболотья'; 2) *ѻ* вместо *ѿ* (+ Р. ед.) — 'от деревни Заболотье'. Что касается буквы *і* перед *ѻ*, то это скорее всего ошибочное повторение предыдущего *і*.

Приказали свою землю — поручили управление ею. Олексей явно служит (в качестве управляющего) у двух феодалов — Софонтия и Тимофея.

Для фразы *нонѣ, осподо, подовалъ ѥси пожни вашимъ здоровьѥмъ* необходимо принять предположение А. А. Гиппиуса о том, что *ѥси* — это ошибка вместо *ѥсмь*.

Подовалъ вместо *подавалъ* в принципе может быть результатом аканья (как уже отмечено, в грамоте нет новгородских признаков); но все же более вероятно, что это просто ошибочный повтор идущего раньше такого же *подо*: *ос<u>подо</u> <u>подо</u>валъ*. Кроме того, форма *довать* могла возникать в окающих говорах под влиянием приставки *до-*; сходным образом в окающих северных говорах и рукописях появляются *начлегъ, начевать* — под влиянием приставки *на-*.

В отличие от современного языка, словоформа *под⟨а⟩валъ* относится здесь к совершенному виду — подобно современным *пораздавал*, *поотдавал*; ср., например, *что ѥси, ѻсподине конѣ подавалъ ...* в грамоте № 446.

Вашимъ здоровьѥмъ — известная формула; ср., например, *землꙗ ... сама сꙗ окупить твоимъ здоровьемъ* в грамоте № 104. *Здоровье* — 'благополучие, сила, авторитет', то есть данная формула здесь практически означает 'с полномочиями от вас'.

Таким образом, управляющий говорит, что те земли, которые ему поручили, он раздал от имени своих господ.

Дальше в основном тексте (то есть без учета надстрочных приписок) идут два предложения, в которых неясно, кто «ты», а кто «я»: *положи грамоту по чому ѥси давалъ* 'предъяви грамоту, на основании которой ты давал'; *приказали ми старѣшии и ꙗзъ давалъ* 'приказали мне старшие (старосты), и я давал'. Непонятно, кто это говорит и как связать эти фразы с остальным текстом.

Надстрочные приписки разрешают эту проблему: над *положи* надписано *попъ молвить*, и тем самым понятно, что это поп требует от Олексея подтверждения его полномочий; над *приказали* надписано *олесеі*, то есть это Олексей ссылается на приказ старост.

В этом месте получил блестящее подтверждение осуществленный А. А. Гиппиусом анализ коммуникативной структуры берестяных грамот [Гиппиус 2004], в частности тот его тезис, что в этих грамотах без всякого предупреждения после речи автора может пойти речь другого лица. Ясно, что вначале автор грамоты (или писец, если автор писал не сам) поступил в точном соответствии с тезисом Гиппиуса — привел чужие слова без

всякого предупреждения о том, кто это говорит. И лишь позднее решил все же это для большей ясности уточнить.

Дальнейший текст Олексей (или писец) написал уже с указанием того, кто что говорит, прямо в тексте:

Повѣступь 'говорит, повествует' — вряд ли просто пропуск буквы *ю* в *повѣступють*; скорее это севернорусское стяжение с долгим гласным типа [рабо́та:т] 'работает', [тр'е́бу:т] 'требуют'. Эта особенность представлена также ниже в слове *печалутеса* (вместо *печалуютеса*).

Воротъ в древнерусском и в современных говорах означает 'шея' (современное значение 'воротник' у этого слова вторичное); ср. перс. *gardan* 'шея' (из *vartana*).

Взвязати — очень колоритный глагол, в котором приставка *вз-* передает движение снизу вверх (в данном случае от земли, где находится трава, к шее человека).

Да траву на воротъ взвѧжю — явно как знак того, что они крали сено. Очевидно, украденное привязывали на шею пойманного вора. Яркое свидетельство о таком обычае, сохранившееся в литературном языке, — пословица *Брань на вороту не виснет.*

М. Н. Толстая нашла подтверждение этого в этнографической литературе — в работе М. Седовой «Быт томичей на крестьянском дворе» мы читаем: «Сурово наказывало общество и за воровство; вору вешали украденное на шею и водили по селу, чтобы всякий мог его ударить и плюнуть» [Седова 2003]. По свидетельству белградского профессора Л. Раденковича, в восточной Сербии обычай вешать на шею украденное сохранялся еще в XX в. (сообщено С. М. и М. Н. Толстыми). Широко распространено поверье, что вор после смерти будет носить все украденное на шее.

Какъ о мнѣ сѧ печалутесѧ — судя по позиции первого *сѧ,* слово *какъ* подверглось вторичной проклизе (см. [Зализняк 2007, § 0.2]), т. е. *какъ о мнѣ* — единая тактовая группа.

Сѧ печалутесѧ — «двойное *сѧ*», явление, характерное для позднедревнерусского периода (см. [Зализняк 2007, § 4.13]). О *-луте* из *-луюте* см. выше.

Свои (в *свои осподе*) — ошибка (встречающаяся в грамотах и рукописях неоднократно) вместо *своеи*.

Словоформа *оспо* производит впечатление недописанной, особенно на фоне нескольких примеров полного написания *осподо.* Однако более вероятно другое объяснение, а именно, связь формы *оспо* с формой *ospe* 'господин!', регулярно употребляемой у Фенне в качестве обращения [Фенне, 196.5, 196.7, 197.1, 204.5].

Следует учитывать, что звательная форма *осподо* была энклиноменом, т. е. в позднедревнерусском имела ударение *о́сподо.* Это позволяет предложить следующую гипотезу о дальнейшей эволюции обращений 'господа!', 'господин!'. Как и многие другие частотные обращения, форма *о́сподо* могла усекаться; ср. усечения и «сжатия» в случаях типа *-с* из *сударь*, [msjø] из *mon seigneur* и т. п. Утрата безударного конечного *-до* давала *о́спо.* Внешнее совпадение конечного *о* этой формы с окончанием вокатива должно было породить отношение «полное *осподо* – краткое *оспо*», откуда обобщение «полное *оспод-* – краткое *осп-*». Тогда и при полных обращениях *осподи* и *осподине* можно ожидать аналогического *оспе*. Если эта гипотеза верна, то *оспо* в грамоте № 962 лежит у истоков того развития, которое через сто с лишним лет привело к *ospe* у Фенне.

Оѿтошлите — двойное выражение как *о*, так и *т*.

Из грамоты видно, что конфликт Олексея с попом — это спор о том, кто имеет право распоряжаться землей; власть попа явно выходит за рамки церковных дел. В конце письма Олексей просит господ, если они его «пожалуют», то есть решат спорный вопрос в его пользу, прислать об этом «грамотку» до Петрова дня — даты, когда по общерусской традиции начинали сенокос.

Последняя фраза (*занежь, ӧсподо, сено косѧть ӧ Петрове дни*) на первый взгляд звучит несколько странно — как если бы кто-то в тогдашней Руси мог не знать, когда

начинается сенокос. Наиболее правдоподобное решение (предложенное М. А. Даниэлем) здесь таково: автор хотел сказать «пришлите грамотку (подтверждающую мои права) до Петрова дня, потому что в Петров день поп осуществит свою угрозу», и это совершенно нормальная структура дискурса; но вместо «поп осуществит свою угрозу» он сказал просто «будут косить», справедливо считая, что эта эквивалентность адресатам ясна.

Итоговый перевод:

'Челом бьет Олексей об участках за болотом (*или*: от Заболотья) Софонтию и Тимофею. Что [касается того, что] вы поручили мне свою землю, то я теперь пораздавал пожни от вашего имени. Поп говорит: «Предъяви грамоту, на основании которой ты давал». Олексей [говорит]: «Приказали мне старшие (старосты), и я давал». А теперь поп говорит так: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город (то есть в Новгород)». Как, господа, теперь обо мне позаботитесь? А я вам, своим господам, челом бью. Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня, потому что, господа, сено косят на Петров день'.

№ 963. Кремлевский раскоп. Три фрагмента, образующие почти целый документ (недостает лишь начала последней строки).

Грамота датируется исключительно точно, поскольку она адресована архиепископу Симеону, который пребывал в этом сане с 1416 по 1421 г.

ѻсподину архи.ѥпископу новъгоцкому влⷣкѣ семену ст҃=
ѣ . бц҃и оуѥздъ . сиротѣ твои ѻшевьски погостъ ржевици . тебѣ
ломъ . бьютъ вси ѿ мала и до велика . ѻспода.рю . послали . ѥсме ѻсп=
одине дьꙗка . ѻлекъсадра за[нежѣ] (ѻ)[т҃ць] - - и дѣдъ ѥго пѣлъ . оу
ст҃ѣ . бц҃и . в ошевѣ . и цто бъı ѥси ѻсподине . к ст҃ѣ бц҃и . того дьꙗка
поставилъ
попомъ . а с нимъ . ѥсме послали труфана ѿ погоста . занежѣ
цѣрк҃въ . стоить бес пѣтьꙗ . а другоѥ ѻсподине ст҃ы влⷣко
престолъ . в[о цѣр](кв҃ѣ) [ѿ]- - - - - (-) какъ ѻсподине . ѻ томъ оукаже=
(шь) - [т҃и ⷤ] п[рестолъ гсⷣине]

Два раза писавший пропустил слог: *новъгоцкому* вместо *новъгороцкому* и *ломъ* вместо *челомъ* (в последнем случае при переходе со строки на строку).

Перевод:

'Господину архиепископу новгородскому владыке Семену крестьяне твои, Святой Богородицы уезд, Ошевский погост, ржевичи, тебе, господарю, челом бьют все от мала и до велика. Мы послали, господин, дьяка Олексадра, потому что отец [его (?)] и дед его пел у Святой Богородицы в Ошеве. И ты бы, господин, к Святой Богородице того дьяка поставил попом. А с ним мы послали от погоста Труфана, потому что церковь стоит без пения (= без службы). А другое [дело], господин святой владыка: престол в церкви от... Как, господин, о том укажешь? ... ... Освяти же престол, господин'.

Престолъ во цѣр(кв҃ѣ) ѿ... — что случилось с престолом, из-за обрыва неясно, но нет сомнений, что он как-то был поврежден. Возможно, ржевичи его уже починили и просят владыку освятить новый.

Ошевский погост (ныне Ашево Псковской области) расположен в Пусторжевской волости Новгородской земли (отсюда наименование его жителей «ржевичами»), которая вместе с Великими Луками платила значительную дань Литве в обмен на защиту Литвой северо-западных рубежей Новгородского государства. Несмотря на предпринятую Витовтом реформу, объединившую в 1415 г. подвластных Литве православных епископов Полоцка, Чернигова, Луцка, Владимира Волынского, Холма, Турова и узурпировавших

право избрания киевского митрополита (избран ими был Григорий Цамблак) [НПЛ: 406], ржевичи сохраняли верность Новгороду и хиротонисанному в Москве архиепископу Симеону, как это явствует из грамоты № 963. Переход в прямое подданство Литве осуществился, однако, в 1435 г., когда новгородский архиепископ Евфимий II был рукоположен в Смоленске, что вызвало поход новгородцев на ржевичей: «Ржеву воеваше своих данников, а они не почаша дани давати новогородцем» [Пск. лет. 2: 132].

Грамота в основном составлена на наддиалектном древнерусском языке (так, в И. ед. используется окончание -ъ, слово 'все' имеет вид *вси*). Но небольшое число элементов древненовгородского диалекта в ней все же имеется: И. мн. *сиротѣ* (а не *сироты*), 1 мн. *ѥсме*, цоканье в *ржевици*; отметим еще Д. ед. *вл҃дкѣ*, с *к*, а не *ц*. Характерны для новгородских грамот также имена *Олекъсадръ* (ср. *к Олоскадру* в грамоте № 528) и *Труфанъ* (ср. *Труфане* в грамотах № 136 и 471). Слово *сиротѣ* 'крестьяне' характерно для берестяных грамот XIV века и один раз встретилось в грамоте конца XIV – 1-й четверти XV в. (№ 933). В XV в. этот термин вытесняется словом *крестьяне*.

Показательно слово *осподарь*: в XV веке слог *-спо-* здесь еще устойчиво сохраняется, инновационный вариант *государь* (*осударь*) появляется лишь в XVI в. Даже в 1607 г. у Фенне мы еще находим только формы с *-spo-*: *aspodar* (регулярно) и один раз *gospodar*.

Точность датировки этой грамоты дала редкую возможность испытать эффективность наших таблиц внестратиграфического датирования. Для грамоты № 963 таблицы дали следующий ответ: предпочтительно 1380–1420. Это значит, что таблицы выдержали испытание вполне удовлетворительно. И можно предполагать, что писавший был пожилым человеком, раз объективные характеристики его письма тяготеют ко времени несколько более раннему, чем момент написания грамоты.

№ 964. Кремлевский раскоп. Начало письма (3 строки).
Предварительная стратиграфическая оценка: конец XIV века.

ѻгну . ѥлизару . много челомъ бию
послалъ . ѥмь . ѻгне . к тобѣ . с лариѡнь=
(цемъ) [:р҃]. клещевъ . пошли . ѡсподине

В начале грамоты стоит весьма редкая формула: от первого лица «челом бью», но без указания автора; предполагается, что адресат сам поймет, от кого письмо.

Записи *ѻгну, ѻгне* — сокращения для *осподину*, *осподине*, с идеограммой *гн* и начальным фонетическим дополнителем *ѻ*, т. е. первой фонемой зашифрованного полного чтения; см. этом [НГБ-IX: 233–241]. В грамоте представлен тот относительно редкий вариант записи, в котором идеограмма *гн* стоит без титла. Уникальная особенность данной грамоты состоит в том, что здесь впервые в одном и том же тексте, причем просто в соседних строках, использована как сокращенная запись с идеограммой и фонетическим дополнителем, так и полная запись *ѡсподине.* Тем самым грамота оказывается идеальным свидетельством того, что записи типа *огн҃ъ*, *огн҃е*, *огн҃у* читались именно как *осподинъ*, *-е*, *-у* (а не *огосподинъ* и т. д., как полагали прежде публикаторы и лексикографы). Если бы эта грамота была найдена двадцать лет назад, не понадобились бы те немалые умственные усилия, которые позволили прийти к тому же выводу на основании не столь прямых показаний.

Особо отметим, что в полной записи *ѡсподине* использована буква *ѡ*, которая является для данной грамоты обычной записью для [о] в начале слога (ср. *лариѡнь-*), а в записи с идеограммой использован другой знак для [о] — буква *ѻ*.

Написание *послалъ ѥмь* вместо *послалъ ѥсмь* может, конечно, быть простым пропуском *с* по описке. Но не исключена и другая возможность — что перед нами близкий аналог польских форм прошедшего времени типа *posłałem* 'я послал' (где тоже утратилось

прежнее *s*). Совершенно аналогичный пример есть в Лаврентьевской летописи в «Поучении» Мономаха [Лавр., л. 83]: *что было надобѣ весь нарѧдъ и в дому своємь, то ꙗ творилъ ємь.* Издатель решительно исправляет это *ємь* на *єсмь*, поясняя: «По явной описке вставляется -*с*-». Но после находки грамоты № 964 оснований для такой уверенности стало гораздо меньше. Следует ожидать дальнейших находок, чтобы выяснить, являются ли действительно оба эти примера описками или за ними стоит свойственное каким-то говорам диалектное развитие, сходное с польским.

Для поврежденного места на стыке 2-й и 3-й строк единственное решение, не предполагающее никаких ошибок и случайностей, — это *с Ларионь|(цемъ)*. Уменьшительные имена с суффиксом -*ець* (типа *Ларионець*) для Новгорода весьма характерны.

Клещевъ — это 'лещей'. Древненовгородское слово *клещь* 'лещ' известно из берестяной грамоты № 169 (кон. XIV – нач. XV в.), где сказано: *Онтане послале Овдокиму два клеща да щука.* См. об этом слове [НГБ-VIII: 119–122] и [ДНД$_2$: 656].

Сколько же лещей послал наш автор? Сохранившийся в тексте уголок не может быть верхушкой от д҃ (= '4'), поскольку окончание *клещевъ* могло быть только в случае, если бы они были грамматически одушевленными, а в XIV веке до этого было еще далеко. Вначале было высказано предположение, что это л҃ (= '30'); однако в грамоте *л* (как, впрочем, и *д*) пишется с плоским верхом. По мере изучения текста количество лещей увеличивалось (подрастало). Возникло предположение, что верхний уголок принадлежит букве о҃ (= '70'). Но в конце концов было установлено, что это верх от р҃ (= '100'). Так что Елизару было отправлено целых сто лещей.

Итоговый перевод:

'Господину Елизару челом бью. Я послал к тебе, господин, с Ларионцем 100 лещей. Пошли, господин, …'

№ 965. Кремлевский раскоп. Конечная строка документа.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая половина XIV века.

си полъжилъ . на ѣзи

Буквы *си* — явно конец от *еси*; (*е*)*си полъжилъ* — 'ты положил'.

Ѣзъ — рыболовный закол поперек реки, яз.

Какое из многих значений глагола *положити* здесь имелось в виду, из-за отсутствия контекста неясно. Возможно, речь шла о некоей сумме денег или количестве рыбы, которое адресат «положил» на данном заколе, то есть установил как плату за право пользования этим заколом.

№ 966. Борисоглебский раскоп. Семь строк — конечная часть документа, утратившего правый край.

Палеографически XIII век.

...[н]адо никомоу ж[ь] ...

(-)- єсмє :д: на милосвави :г҃: гривини ѿ ма[р]иѧка во стро[к]... (по)=

ложило єсмъ ·а·диноу гривоноу . ѿ наш-ка нии пол(ожи)=

ло єсмъ .з҃: гривоно

ѿ ѿ

г :г: :и: гг г гггг авгдєгзи ко єль...

єлико вєр...

К сожалению, ни одна строка документа не сохранилась целиком.

Редкая особенность: после окончания собственно текста грамоты автор еще использовал свободное нижнее поле для пробы пера, записи разных цифр (в том числе ряда цифр от 1 до 8) и маленькой приписки (к сожалению, из-за обрыва нечитаемой).

Основной документ представлял собой некий реестр сумм, «положенных» на таком-то или от такого-то. Так, автор «положил» на Милославе 3 гривны, от Марьяка 1 гривну, от Наш-ка 6 гривен. К сожалению, точный смысл финансовой операции, называемой *положити*, как и в предыдущей грамоте, остается не вполне ясным.

Интересно написание *·а·диноу* 'одну'. Предположение о том, что *а* вместо *о* написано здесь в силу аканья, неправдоподобно, поскольку в Новгороде не акали, а счесть эту грамоту за иногороднюю нет оснований (в частности, в ней представлено характерное новгородское *и* вместо ятя). Решение состоит в том, что здесь *·а·* — это цифра '1', а *диноу* — это фонетический дополнитель (ср. выше, разбор грамоты № 964), только более длинный, чем обычно. Такие длинные дополнители изредка встречаются. Например, в Ферапонтовской кормчей 1540-х гг. (на л. 820 об. и далее) писец несколько раз записывает словоформу *второ́му* так: *в҃ро́му.* Ср. также запись *ог҃диноу* = *осподину* в берестяной грамоте № 339 (2-я пол. XIV в.): здесь в начале стоит фонетический дополнитель *о-* (о котором см. выше), далее идеограмма *г҃и*, а за ней большой конечный фонетический дополнитель *-диноу* (ровно такой же, кстати, как в *·а·диноу*).

Отметим характерные написания *гривоноу* (ср. *грѣвону* в № 366), *гривоно* (ср. *гривоно* в № 349), *гривини* (ср. *гривьни* в № 919); в последнем случае *-ви-* вместо *-вь-* — результат уподобления предшествующему и последующему слогу.

Отрезок ...[*н*]*адо никомоу ж*[*ь*] весьма похож на часть известной формулы *а боле не надобѣ никомоу же* 'а более ни у кого притязаний не должно быть'. Однако для превращения *надобѣ* в *надо* это, по-видимому, еще слишком раннее время, поэтому такая трактовка данного отрезка остается лишь гипотетической.

Писавший эту грамоту был менее аккуратен, чем большинство писцов, и допустил ряд описок; из-за этого в нескольких точках чтение остается ненадежным.

Милосвави вместо *Милослави* — предвосхищение *в* следующего слога.

Неизвестное доныне имя *Мариꙗкъ* (*Марьꙗкъ*) — очевидно, производное от того же корня, что известное из берестяных грамот имя *Марена* (представленного, в частности, в словах *мара́* 'призрак, наваждение', *ма́рит* 'душно', *ма́рево*).

Во Стро[*к*]… — начало названия какого-то населенного пункта.

Имя *Наш-къ* надежно восстановить не удается. Если допустить здесь *ш* вместо *щ*, то можно предположить имя *Нащекъ* (ср. вариант *Нащека* [Тупиков: 323] и фамилию *Нащекинъ*).

Странное *нии* — возможно, описка вместо *нни* 'ныне' (ср. *нни* в № 788).

№ 967. Борисоглебский раскоп. Недописанное письмо из одной строки, сохранившееся в целости.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

ѿ тиоуна ω те

Написание *ω те* — очевидно, вместо *ѿ те*. Писавшему что-то не понравилось в этой точке, и он просто бросил начатое письмо — вероятно, взял другую бересту.

Тиун — в XI–XIII вв. княжеский или боярский слуга, участвовавший в управлении. В XIV–XVII вв. чиновник, занимающийся первичным разбором судебных дел и т. п., род управляющего или даже наместника. В материалах раскопок этот термин ранее встретился только в надписи на цере XII в. [ДНД$_2$: 342] и, возможно, также в берестяном фрагменте № 452.

На *Те* могло начинаться как христианское имя *Терентии*, так и дохристианские имена типа *Тѣшата*, *Тѣшила*, *Терпила.*

№ 968. Кремлевский раскоп. Левая часть одной из средних строк письма.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая половина (возможно, начало) XIV века.

доу . говори в[д]ц҃ѣ . ка[к]...

Отрезок *-доу* едва ли может быть концом от *правдоу*: слово *правда* в ту эпоху означало прежде всего правосудие, а не правду в современном смысле. Из разных вариантов реконструкции наиболее вероятным представляется (*оби*)*доу* — по прямой аналогии с грамотой № 725, где читается: *съка(ж)ита владычѣ мою обидоу.*

Но самой интересной в этом маленьком фрагменте является словоформа *говори*. Она несомненно выступает здесь в том же значении, что и в современном языке, т. е. 'dicere'. В том же значении глагол *говорити* встретился и в нескольких других берестяных грамотах (№ 530, 131, 749, 373), но все они относятся к более позднему времени: самая ранняя из них (№ 530) датируется 1370-ми – 1380-ми гг.

Между тем древнейшие примеры глагола *говорити* обнаруживают другое значение: 'гомонить, галдеть, шуметь, роптать' — всегда о многих, о толпе. И то же со словом *говоръ*: оно означало 'шум, гомон, ропот' (издаваемый сразу многими, необязательно людьми).

Из «Повести временных лет»: *и в гора*^{х} *тѣ*^{х} *кличь великъ и говоръ* (в рассказе о племенах Зауралья, заключенных в горе, — [Лавр., л. 85а]). Из Суздальской летописи: *и бы*^{с} *говоръ великъ акъı҃ до н҃бси ѿ множства людии ѿ радост⟨и⟩ великиꙗ* [Лавр. под 1206 г., л. 142 об.]. Из Новгородской летописи: *и начаша людие говорити на воеводу Коснячя…* [НПЛ (младший извод) под 1068 г., л. 89] — в значении 'роптать, шуметь'.

Сказанному по видимости противоречит, правда, например, такая запись в Уваровской летописи (рукопись XV в.) за 1149 год: *Нѣкотории же мужи его, злии человѣци, начаша емоу* (князю Изяславу) *вадити на Ростислава Юрьевича, глаголюще: «Подговорилъ люди на тя, берендичи и кыяны; а хотѣлъ сѣсти въ Кыевѣ»* [Увар., л. 54 об.]. *Подговорилъ* здесь выступает в современном значении: человек (а не толпа) говорил и подговорил кого-то против определенного лица. Но все разъясняется, как только мы прочтем этот же пассаж в Лаврентьевской летописи где сказано: «*Ростиславъ Гюргевичь подмолвилъ на тя люди…*». Ясно, что Лаврентьевская летопись сохранила старое чтение, тогда как в Уваровской летописи переписчик XV века вместо старого *подмолвити* поставил уже свойственное его времени *подговорити.*

В словаре Срезневского содержится множество примеров со словами *говорити* и *говоръ* (без приставок и с приставками) в современном значении. Но ни один из них не старше конца XIV века.

Древнее значение глагола *говорить* отчасти сохранилось в северных говорах. В [СРНГ, 6: 256] находим: *говори́ть*, знач. 3. О птицах — петь, щебетать, каркать и т. п. «Если прилетные птицы весной не говорят, то будет еще холод, засиверка». Пинеж. (Арханг.). Также в онежских былинах в записях Гильфердинга: «Прилетали тут русские птицы, учали тут пети-говорити, как млад соловей щекотати».

Эволюция значения у слова *говорить* — от 'шуметь, гомонить' (о толпе) к 'dicere' — совершенно типовая. Глагол со значением 'dicere' может происходить из разных семантических источников, но этот — один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них — *мълвити*. В старославянском *млъва* — 'ропот толпы, мятеж'. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для 'dicere'. Остальные примеры диалектные, но их много. В русских говорах глаголы *гомони́ть*, *галде́ть*, *гаме́ть*, *шуме́ть/шумну́ть* по данным СРНГ имеют среди прочего нейтральное значение: просто 'говорить что-то кому-нибудь'. Особенно яркий новейший пример — из речевой практики интернет-сообщества: *базарить* — от *базар*, для которого характерен именно хаотичный шум толпы. Но в словаре сленга мы уже видим слово *базарить* просто в значении 'говорить', без дополнительных уточнений.

Итак, крошечный обрывок бересты оказался ценным подарком для историков языка — это самый ранний в истории русского языка документ, где *говорити* означает 'говорить'.

У этой проблематики есть еще один небезынтересный аспект. И слово *говорити*, и слово *говоръ* встречается в «Слове о полку Игореве». Совершенно невероятно, чтобы литератор XVIII века знал о хронологической границе между старым и новым значением слова *говорити*, которая пролегла примерно между XIII и XIV веком. Так что если это он сочинял «Слово», то он легко мог «попасться» на этом самом обычном слове современного русского языка. Однако же автор «Слова» не «попался»— он безупречным образом использовал оба эти слова в древнем значении, а не в новом. В «Слове» *говоряхуть* не люди, а галки (*галици*) и *говоръ* был не людской, а галочий (*галичь*). В обоих случаях изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) — в точном соответствии с древним значением. (Заметим, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл — «Галки своей речью гомонили».)

Это еще один из многих случаев, когда сверх уже известных признаков некоторый частный признак текста «Слова», не привлекавший ранее к себе внимания, оказывается проявлением древности.

№ 970. Борисоглебский раскоп. Запись в двух строках, составляющая, по-видимому, конец грамоты.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

подо твою мило
с

Завершающие письмо слова «Под твою милость», очевидно, означают, что некое дело должно быть решено по усмотрению адресата. Скорее всего, грамота содержала какую-то просьбу.

Слово *милость* недописано (либо перед нами сокращение несколько необычного типа).

№ 973. Борисоглебский раскоп. Одна строка (9 букв), составляющая, по-видимому, целый документ.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

геонегоне

Эту производящую загадочное впечатление запись, очевидно, следует читать [геон’огон’] и понимать как сочетание [геон’ огон’] ‘гееннский огонь’, записанное так, как если бы это было единое слово.

В самом деле, слоги типа [н’о] в эту эпоху уже несомненно существовали и передавались на письме за неимением особой буквы для [’о] просто с помощью буквы *е* (но изредка также через *о*, с потерей информации о мягкости). Так, в берестяных грамотах пишется: *Петръ*, *Сменъ*, *Федоръ* (изредка *Потръ*, *Смонъ*, *Фодоръ*), *Лентии, Демидъ*, равно как *меду* (многократно), *ко Цертоу* 4, *свекре* 580, *сотесываете* Твер. 5.

Геона — обычное древнерусское название геенны (с таким же переходом *е* в *о* в начале слога, как *Ольга*, *Олена* и т. п.). Часто встречается устойчивое сочетание *геоньскъ огнь* (или с обратным порядком слов). Притяжательное прилагательное *геонь* прямо не засвидетельствовано, но в пользу его реальности говорит то, что существует притяжательное прилагательное *адовъ* от близкого по значению слова *адъ* (и ад, и геенна в старых текстах часто персонифицируются).

Какова могла быть функция грамоты *геонегоне*? Об этом можно только строить предположения. Но это явно не простой текст, а запись магического характера, род малого «заговора», заклятия. Скорее всего это заклятие во вред некоему врагу. Нестандартный способ написания (в данном случае «сращенная» запись двух слов) мог быть в таких случаях одним из приемов, увеличивающим магическую силу написанного.

Заклятие такого рода встретилось среди берестяных грамот впервые.

Помимо грамот, в текущем сезоне был найден также (на Троицком раскопе, в слоях XI века, вероятно, первой половины) фрагмент двусторонней средней части деревянной церы (триптиха), с небольшими остатками воска. Но текста на нем не сохранилось.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиппиус 2004 — *А. А. Гиппиус*. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ-XI: 183–232.

ДНД$_2$ — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Зализняк 2007 — *А. А. Зализняк*. Древнерусские энклитики. М., 2007.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.

НГБ-VIII — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

НГБ-IX — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

НГБ-XI — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*, *А. А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Пск. лет. 2 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

РГБ — Российская государственная библиотека в Москве (бывш. ГБЛ).

Седова 2003 — *М. Седова.* Быт томичей на крестьянском дворе (программа курса). Томск, 2003.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Увар. (Уваровская летопись) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.

Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607). V. II. Copenhagen, 1970. (Ссылки даются на страницы оригинала.)

Ферапонтовская кормчая — рукопись РГБ (сер. XVI в.), фонд 98, № 248.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00567а). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 08-01-18093е.